

МОРАЛЬ, ПОЛИТИКА, ОБЩЕСТВО

А.В. Прокофьев

ОБОСНОВАНИЕ МОРАЛИ И ОБОСНОВАНИЕ УТИЛИТАРИЗМА В ЭТИКЕ ИЕРЕМИИ БЕНТАМА

Прокофьев Андрей Вячеславович – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: avprok2006@mail.ru

В статье проанализировано соотношение обоснования морали и обоснования утилитаристской нормативной программы в двух трактатах Иеремии Бентама: «Введение в основания нравственности и законодательства» и «Деонтология». Во «Введении...» общая ценностно-нормативная установка морали («содействуй благу другого человека») оказывается обоснованной в силу того, что: а) она интегрирована в саму структуру принципа полезности и является привходящим нормативным содержанием для принципов-конкурентов (принципа аскетизма и принципа симпатии и антипатии); б) принцип полезности, в отличие от своих конкурентов, может быть доказан; в) набор принципов, по которым может действовать агент, ограничен тремя позициями. В тексте трактата можно обнаружить и другие стратегии обоснования морали, не связанные столь тесно с обоснованием утилитаризма. Так, Бентам утверждает, что к содействию благу другого, несмотря на сопряженные с этим ситуативные потери, агента постоянно подталкивает выгода, которую приносит репутация честного и доброго человека. Похожий эффект имеет и то обстоятельство, что агент не может доказать правильность своих оценочных суждений другим людям, если не признает их интересы равными по значению со своими. В «Деонтологии» Бентам развернуто представляет вторую из трех перечисленных выше стратегий – стратегию отождествления морального долга и правильно понятого личного интереса. С одной стороны, он создает такую концепцию моральной добродетели и моральной обязанности, в которой усилия и жертвы благоразумного, честного или добродетельного человека интерпретируются как результат столкновения его же собственных интересов. С другой – он пытается показать, что существующая система санкций нравственного поведения (симпатических, религиозных, физических, моральных, политических) превращает выгоды от неблагоразумных, нечестных, негуманных поступков в иллюзорные.

Ключевые слова: мораль, этика, обоснование морали, моральные принципы, добродетель, обязанность, удовольствие, счастье, интерес, утилитаризм, Дж. Бентам

Для цитирования: Прокофьев А.В. Обоснование морали и обоснование утилитаризма в этике Иеремии Бентама // Философский журнал / Philosophy Journal. 2023. Т. 16. № 1. С. 5–20.

Обоснование морали и обоснование ее нормативных программ

Для этики как практической философии ключевым вопросом является вопрос о том, какие поступки следует считать хорошими, правильными, обязательными. Другими словами, в непосредственное соприкосновение с моральной практикой этическая мысль входит в качестве нормативной этики – философского обсуждения оправданности конкретных нормативных программ, среди которых центральное место занимают деонтологическая и консеквенциалистская (последняя, в том числе, в той ее версии, которую принято называть утилитаризмом). Исследователи, анализирующие содержание этих нормативных программ, приходят к выводу, что они являются результатом двухшаговой процедуры.

На первом шаге моральный философ приводит аргументы в пользу признания равной неинструментальной ценности каждого человека, которая становится критерием разграничения недопустимых, допустимых и обязательных действий. Если интересы и потребности всех людей, включая самого агента, равноценны, то при прочих равных условиях никому нельзя причинять вред и каждого необходимо бескорыстно поддерживать в его стремлении достичь жизненного благополучия. На втором шаге эта предельно общая ценностно-нормативная установка конкретизируется либо в сторону обязанности содействовать суммированному благополучию всех затронутых действием лиц (такова позиция утилитаристской версии консеквенциализма), либо в сторону обязанности совершать те действия, которые независимо от прогнозируемых последствий вменены к исполнению в типичных ситуациях морального выбора (такова позиция деонтологической этики). Деонтологическая этика может приобретать вид этики запретов и предписаний или этики прав.

Ценностно-нормативная установка, присутствующая на первом шаге обрисованной выше процедуры, в целом соответствует ценностно-нормативной части содержательных определений морали. Для примера можно привести определение Р.Г. Апресяна: мораль есть «система ценностей, побуждающих людей стремиться в своих суждениях, решениях и действиях к содействию благу других (индивидов и сообществ)»¹. Иные содержательные определения морали более или менее похожи на него². Соответственно, можно вести речь о том, что первый шаг к созданию нормативной программы – это обоснование морали как таковой, ее предельно общей ценностно-нормативной установки, или ядра, а второй – обоснование правомерности какой-то конкретизации этой установки.

Структура обоснования морали общеизвестна. Это обращение философа к воображаемому *vis-à-vis*: моральному скептику, релятивисту, имморалисту или аморалисту. *Vis-à-vis* морального философа не имеет моральных убеждений, но разумен и обладает некоторыми потребностями, которые обязательно хочет удовлетворить, или способностями, которые ни в коем случае не хочет потерять. Философ показывает, что удовлетворение потребностей или сохранение способностей невозможно без признания: а) объективных ценностей и вытекающих из них требований, б) того, что в число

¹ Апресян Р.Г. * Этика: учебник. М., 2017. С. 38.

² См. напр.: Gewirth A. Reason and Morality. Chicago, 1978. P. 1; Gert B. Morality: Its Nature and Justification. N.Y., 2005. P. 14.

* Включен в реестр иностранных агентов по решению Минюста России от 09.12.2022.

этих требований входит порожденное равной неинструментальной ценностью всех людей требование воздерживаться от причинения им вреда и по мере сил способствовать увеличению их благополучия. Параллельно может обосновываться и какое-то обязательное обращение агента с самим собой. Однако в течение двух последних столетий обязанности перед самим собой или ставятся философами под вопрос, или рассматриваются в качестве маргинальных для системы морального долга. Хотя фигура морального скептика (релятивиста, имморалиста, аморалиста) не всегда присутствует в рассуждениях моральных философов, адресат их аргументации можно реконструировать по характеру самих аргументов.

В некоторых концепциях нормативной этики двухшаговый характер их формирования затушеван, поскольку их авторы придерживаются убеждения, что моральный долг в принципе не может быть обоснован в общем виде, то есть в том виде, который подразумевается содержательными определениями морали. Мораль можно обосновать только в виде какой-то ее конкретизации (естественно, той, которую отстаивает данный мыслитель). В таком случае сторонникам других нормативных программ вменяется не столько ошибочность интерпретации базовой ценностно-нормативной установки морали, сколько принципиальная неспособность доказать, что объективные моральные ценности существуют и задают параметры морального долга. С этой точки зрения, любая попытка отстоять ошибочную нормативную программу чревата не просто возвращением к неконкретизированному уважению равной ценности каждого человека, а неизбежным сползанием к моральному скептицизму, релятивизму, имморализму или аморализму.

Основной целью данной статьи является анализ того, как обоснование морали представлено в утилитаристской этике и как оно соотносится в ней с обоснованием конкретной нормативной программы. Историко-философским материалом для достижения этой цели будут два центральных трактата основателя классического утилитаризма, британского философа Иеремии Бентама, «Введение в основания нравственности и законодательства» (публикация первого издания – 1789 г.) и «Деонтология» (время написания – 1814–1831 гг., первая публикация – 1834 г.) В российской этической мысли бентамовское «Введение...» исследовалось преимущественно под углом зрения политической или нормативной этики, а не моральной философии. Трактат «Деонтология» вообще не подвергался систематическому анализу, что придает предпринятому исследованию дополнительную новизну.

Обоснование морали в трактате «Введение в основания нравственности и законодательства»

а) вопросы для тех, кому «не по вкусу» принцип полезности

Во «Введении...» Бентам обращается не к моральному скептику, а к скептику в отношении принципа полезности, к человеку, который «не находит себе по вкусу» этот принцип. Ответом ему, если он посчитает обсуждение руководящего принципа своих действий «стоящим хлопот», является серия последовательных вопросов, которые тот должен себе задать. Бентам называет эти вопросы «ступенями» и выражает надежду, что, пройдя эти ступени,

скептик, в итоге, неизбежно «помирится» с принципом полезности³. Прохождение ступеней является косвенным доказательством принципа. Прямое доказательство в этом случае невозможно, поскольку его поиск неизбежно завершился бы бесконечным регрессом. В трактате не приведены ответы бентамовского *vis-a-vis*, но Бентам уверен, что они предрешены и что в совокупности ведут к признанию правоты утилитаризма. У читателя может сложиться впечатление, что в этом фрагменте трактата спор идет исключительно о конкурирующих нормативных программах морали и ни о чем другом. Однако есть основания рассматривать его более широко: как спор о судьбе общей ценностно-нормативной установки морали.

Прежде всего, необходимо учесть, что среди прочих опций бентамовскому *vis-a-vis* предлагается опция полной беспринципности: «Пусть он решит для себя, желал ли бы он рассуждать и действовать без всякого принципа?»⁴. Бентам уверен, что такое желание невозможно, что скептик не захочет быть человеком, свободным от всяких принципов. Мы не знаем оснований уверенности Бентама, но видим, что на этой «ступени» подразумевается неизбежное признание какого-то объективного долженствования на рациональной основе (сама формулировка «желал ли бы» предполагает, что между желаниями есть выбор и в нем участвует разум, который их соотносит между собой).

Но и по отношению к дальнейшему бентамовскому вопрошанию, предполагающему выбор уже не между беспринципностью и принятием любого принципа, а между разными принципами, нельзя сказать, что оно лишь уточняет нормативное содержание морали (направляет в нужное русло спор о ее нормативных программах). Ведь некоторые принципы, служащие предметом выбора, вполне могут быть неморальными по своему содержанию или же могут соединяться с общей ценностно-нормативной установкой морали на случайной основе. Если у разумного скептика остается возможность выбрать именно их, то мораль остается необоснованной. А если единственным принципом, в который общее содержание морали интегрировано с необходимостью, является принцип полезности, то: а) обоснование морали не предшествует обоснованию утилитаризма, а сливается с ним и б) успех обоснования утилитаризма тождественен успеху обоснования морали. Именно так обстоят дела в рассуждении Бентама. Он полагает, что за убеждения его *vis-à-vis* конкурируют всего лишь три принципа: принцип аскетизма, принцип симпатии и антипатии и принцип полезности. Первые два неспособны противостоять возражениям, а третий – не только никак не может быть опровергнут, но и включает в себя специфически моральное отношение к другому человеку.

б) принцип полезности и его альтернативы

Аскетизм, взятый в его чистоте, требует минимизировать удовольствие как самого агента, так и окружающих. Он является, по сути своей, аморальным принципом. Тот, кто стал бы его отстаивать, оказался бы не просто противником принципа полезности, а моральным скептиком, или, вернее, аморалистом. В реальности ситуация иная. Чистый аскетизм, по Бентаму,

³ Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. М., 1998. С. 14.

⁴ Там же.

никто не исповедует: «Дать себе известное число ударов бича было бы действительно заслугой для человека, [являющегося сторонником аскетизма], но дать то же число ударов другому без его согласия было бы грехом»⁵. То есть принципиальное содействие благу другого здесь предполагается, но оно не встроено в сам принцип, привносится извне и на случайной основе, а значит – необоснованно. Соответственно, доказательство того, что принцип полезности имеет преимущества по отношению к аскетизму, есть шаг к доказательству того, что предельно общая ценностно-нормативная установка морали обладает реальной императивной силой.

Схожее положение складывается с принципом симпатии и антипатии. Кого-то симпатия или антипатия к тому или иному образу действий может привести к признанию равной ценности всех людей и обязанности содействовать их благу, а затем – к конкретизации этой ценностно-нормативной установки (возможно, такой, которая не будет совпадать с принципом полезности). Но какой-то другой агент, следуя своим симпатиям и антипатиям, может избрать принцип, допускающий безразличие к интересам окружающих или ограничивающий содействие их благу тем или иным кругом своих и близких людей. Бентам отождествляет принцип симпатии и антипатии с капризом⁶. А каприз вполне может быть нечестным или негуманным.

Соответственно, один лишь принцип полезности с необходимостью утверждает: а) значимость другого человека при выборе поступка; б) его равную с агентом неинструментальную ценность; в) обязанность агента содействовать благу другого, ограниченную лишь тем, что других людей много, и тем, что сам агент с его интересами и потребностями тоже обладает неинструментальной ценностью. Хотя принцип полезности не тождественен общеморальной ценностно-нормативной установке, поскольку имеет более конкретное содержание, однако эта установка встроена именно в него, а в другие принципы – нет.

Можно было бы предположить, что она встроена и в какие-то иные принципы, просто Бентам этого не видит и ограничивает набор принципов тремя пунктами. Ближайший кандидат на то, чтобы войти в этот набор – деонтологическая нормативная этика, будь то в виде этики запретов и предписаний или этики моральных прав, выступающих как основа прав юридических. Однако, по мнению Бентама, предположение о самостоятельном значении деонтологической этики в корне неверно. В случае индивидуальных прав он утверждает, что наделение ими не может быть убедительным для разумного человека, если оно не связано с принципом полезности. Любой другой вариант наделения правами был бы результатом даже не аффектов симпатии и антипатии (что тоже было бы малоубедительным основанием), а воображения⁷. В случае системы запретов и предписаний, или обязанностей, альтернативой апелляции к полезности действия являются именно аффекты, которые философы, пытающиеся произвести впечатление на аудиторию, прикрывают различными псевдооснованиями. Современную ему британскую моральную философию Бентам воспринимает именно как многообразие подобных маскировок, таких как моральное чувство, общее чувство (здравый смысл), разумение, закон правильного поведения, сообразность

⁵ Там же. С. 20.

⁶ Там же. С. 15.

⁷ Там же. С. 21–22.

вещей, законы природы, законы разума, правило правдивости, божья воля и т.д.⁸ Отсюда следует, что набор принципов не может быть дополнен и обоснование морали не может быть отделено от обоснования утилитаризма.

В чем же состоят преимущества принципа полезности по отношению к двум его конкурентам? В вопросах-«ступенях» Бентама нет прямого ниспровержения аскетизма, зато есть два обвинения против принципа симпатии и антипатии. Это обвинения в «деспотичности» и «анархичности». В свете проблемы обоснования морали потенциальная деспотичность принципа не так интересна, поскольку негативная оценка деспотизма предполагает альтруистическую основу. Это обвинение убедительно только для того, кто уже принял общую ценностно-нормативную установку морали⁹. Обвинение в «анархичности» в этом смысле интереснее. Бентам пишет: «Не будет ли на этом основании столько же различных стандартов хорошего и плохого, сколько есть людей? Или, даже для одного и того же человека, не может ли одна и та же вещь быть хорошей сегодня и быть плохой (без малейшей перемены в своих свойствах) завтра? Или не будет ли одна и та же вещь хорошей и плохой на одном и том же месте и в одно и то же время?»¹⁰. То есть перспектива лишиться возможности выносить объективные, последовательные, универсальные оценки представлена Бентамом как угроза и потеря.

Этот предьявленный в виде вопросов аргумент можно было бы понять так: никто не захочет жить в мире, где все непрерывно и при этом хаотично теряет и приобретает ценность. Если альтернативой погружения в такой мир может быть только система принципов, в рамках которой другой: а) ценен и б) равен по своей ценности агенту, то перед нами обоснование морали. Вернее, как было сказано выше, обоснование утилитаризма, в который с необходимостью включена моральная установка. Утилитаризм выступает как единственная альтернатива скептицизму и аморализму, которые тождественны невыносимой ценностной анархии.

По тексту трактата невозможно определить, считал ли Бентам ценностную анархию такой угрозой, которая действует именно во внутреннем мире агента, заставляя его принять принцип полезности с целью избежать трудностей и противоречий, возникающих в процессе практического самоопределения. Может быть, это и подразумевалось им, но напрямую анархичность ценностных суждений охарактеризована в трактате не как угроза связности и целостности индивидуального опыта, а как угроза коммуникации агента с другими людьми. За тремя приведенными выше вопросами сразу следует продолжение: «Если два человека сказали “мне нравится это” и “мне это не нравится”, есть ли им (по такому принципу) что-нибудь еще сказать друг другу?»¹¹. Подробнее к тому, как этот коммуникативный момент включен в бентамовское обоснование морали, я еще обращусь, а серия

⁸ Там же. С. 23–25.

⁹ Те же проблемы возникают в связи с попыткой Бентама ниспровергнуть принцип аскетизма, предпринятой в другом фрагменте трактата. Бентам пишет: «Пусть хотя бы десятая часть обитателей Земли исполняла... [принцип аскетизма] последовательно, они за один день превратили бы ее в ад» (*Bentham J. An Introduction to the Principles of Morals and Legislation. Oxford, 1996. P. 21*). Однако превращение Земли в ад может волновать только того, кто уже озабочен судьбой обитателей планеты (принял принцип полезности или иную конкретизацию общей установки морали).

¹⁰ *Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. С. 15.*

¹¹ Там же.

вопросов-«ступеней» заканчивается во «Введении...» апелляцией к некоторым иным преимуществам принципа полезности. Среди них – его очевидная связь с самыми мощными мотивами человеческого поведения. Во введении к статье я упомянул, что аргументы обоснования морали опираются на универсальные потребности или способности человека. Воздействие философской аргументации на скептика или аморалиста возможно лишь в той мере, в какой он хотел бы удовлетворить эти потребности и сохранить эти способности. Принцип пользы, по Бентаму, является единственным принципом, который имеет достаточное сцепление с мотивацией каждого человека. Каждый из нас наделен природным стремлением избегать страданий и получать удовольствия, то есть стремится к пользе¹².

в) стратегический эгоизм или коммуникативизм?

Однако для того, чтобы это обстоятельство заработало в качестве аргумента, стремление агента к собственной пользе (эмпирически фиксируемое универсальное свойство) должно быть неразрывно связано с его стремлением обеспечить пользу любого другого человека. До сих пор речь шла о том, что общая ценностно-нормативная установка морали встроена в бентамовский принцип полезности. Это, несомненно, так. Но почему агент, по природе своей стремящийся к собственной пользе, должен с неизбежностью принять принцип, который ограничивает это его стремление суммированной пользой всех затронутых действием лиц? Единственный ответ, который возможен на этом этапе рассуждения, состоит в том, что принцип «стремись к собственной пользе», в отличие от трех других обсуждаемых Бентамом принципов, не входит в число альтернатив, между которыми выбирает рефлексирующий агент. Но этот ответ никак нельзя считать удовлетворительным, поскольку он сразу же порождает вопрос: почему не входит?

Один из способов показать необоснованность принципа «стремись к собственной пользе» просматривается в связи условиями коммуникации между людьми. Напомню, что Бентам задавал своему *vis-à-vis* следующий вопрос: «если два человека сказали “мне нравится это” и “мне это не нравится”, есть ли им (по такому принципу) что-нибудь еще сказать друг другу?». Этот вопрос можно было бы считать переходом от обоснования принципа полезности как принципа выбора правильных действий отдельным индивидом к обоснованию принципа пользы как принципа устройства коллективной жизни, или политики. Зная о том, что обсуждение нормативных оснований «обращения к обществу» Бентам считал важной практической проблемой, а обсуждение возможности «удержать» какое-то нормативное основание «в уме самого мыслящего человека» – проблемой сугубо умозрительной, можно предположить, что переход к вопросу о коммуникативном значении принципа полезности является для Бентама долгожданным расставанием с чистой моральной философией¹³.

Однако есть и другая заслуживающая внимания интерпретация этого фрагмента. Вполне возможно, что это не просто переход от проблемы к проблеме, а прояснение одной проблемы на основе разрешения другой. Указание Бентама на невозможность коммуникации на основе иных, кроме полезности,

¹² Там же. С. 16.

¹³ Там же. С. 25.

принципов, может оказаться неотъемлемой частью обоснования морали. «Оправдание» и «удержание» морального принципа «в уме... мыслящего человека» может опираться именно на способность этого принципа стать основой убедительного «обращения к обществу». Общая логика аргумента такова: все люди исходно имеют претензию на правоту (правильность) своих оценочных суждений. Такая претензия может быть реализована только при одобрении наших принципов окружающими. Окружающие же никогда не одобрили бы принцип, позволяющий игнорировать их интересы (например, принцип «стремись к собственному благу» или принцип «делай что хочешь»). Они могут одобрить только такой принцип, который требует беспристрастно учитывать интерес каждого человека, а это и есть предельно общее содержание морали (в логике Бентама неразрывно связанное с принципом полезности)¹⁴.

Другой способ содержится в тексте, который не входил в прижизненные издания «Введения...». Это перевод на английский язык небольшой части франкоязычной книги «Трактаты о гражданском и уголовном законодательстве», составленной Этьеном Дюмоном на основе рукописей Бентама (первый том вышел в 1802 г.). В 1843 г. издатель «Сочинений» Бентама, Джон Боуринг, добавил этот текст в виде заключения ко второй главе «Введения...» из-за того, что в нем обсуждается схожая проблематика. Здесь Бентам иллюстрирует неразрывное единство собственного интереса агента и его содействия интересам других людей на примере соблюдения обязательств. С обязательствами связано «чувство интереса высшего разряда, который берет верх над интересом подчиненным». Агент исполняет обязательство, даже если оно тягостно, поскольку, как и всякий «просвещенный человек», «желает внушить... [доверие] к своему слову, чтобы считаться человеком надежным и пользоваться выгодами, связанными с честностью и уважением»¹⁵. Пассаж про доверие воспроизводит то обоснование морали, которое в современной этике называют «стратегическим эгоизмом». Оно развернуто представлено у американского этика Дэвида Готиера, но, по сути, присутствует уже у Томаса Гоббса с Дэвидом Юмом¹⁶. Удивляет лишь свернутый и предельно лаконичный вариант его презентации во «Введении...».

Обоснование морали в трактате «Деонтология»

а) задачи экзегетической и деонтологической этики

В трактате «Деонтология» цель обоснования морали ставится Бентамом гораздо более отчетливо, ее достижение в меньшей степени сливается с поиском преимуществ принципа полезности в сравнении с другими принципами. Здесь Бентам прямо сосредоточен на доказательстве необходимости совершения должных или добродетельных действий, в том числе действий, направленных на благо другого человека. В начале трактата решение этой

¹⁴ См. подробнее: *Harrison R. Bentham. L.*, 1999. P. 185–189; *Shaver R. Utilitarianism: Bentham and Rashdall // The Oxford Handbook of the History of Ethics.* Oxford, 2013. P. 301; *Postema G.J. Utility, Publicity, and Law: Essays on Bentham's Moral and Legal Philosophy.* Oxford, 2019. P. 60–62.

¹⁵ *Бентам И.* Введение в основания нравственности и законодательства. С. 33.

¹⁶ См.: *Gauthier D.P. Morals by Agreement.* Oxford, 1986.

задачи рассматривается как функция отдельной отрасли этики. Бентам называет ее «экзегетической этикой» и устанавливает следующее соотношение с деонтологией, которую, в отличие от современных теоретиков, понимает просто как учение о правильном, добродетельном, обязательном поведении: «деонтологическая этика предполагает в качестве своего необходимого основания этику экзегетическую»¹⁷. Смысл экзегетического рассуждения в том, чтобы продемонстрировать агенту, что совершение определенного действия не просто требуется от него, но и в его интересах, то есть доставит ему удовольствие или уберезет от страдания. Подчинение поведения интересу, по Бентаму, является аксиоматическим положением, и это означает, что самые «благодетельные», «щедрые», «героические» поступки носят заинтересованный характер. «Действие против своего интереса» возможно лишь в том специфическом смысле, что ради получения малозначительного удовольствия или предотвращения малозначительного страдания люди упускают возможность гарантированного получения длительного и интенсивного удовольствия или навлекают на себя длительное и интенсивное страдание. Экзегетическая этика корректирует эту тенденцию в целом и применительно к «универсальному благоволению», отсутствие которого у агента Бентам также считает одной из форм пренебрежения собственным интересом¹⁸.

Со стороны фактов человеческого существования «универсальное благоволение» – это «естественная причина действия», а со стороны оценок правильности поведения – это «подобающая причина действия» (курсив мой. – А.П.)¹⁹. Связь «универсального благоволения» с собственным интересом агента обеспечивается тем, что любой человек, который не находится в крайне неблагоприятных для себя обстоятельствах или в состоянии возбуждения, вызванном какой-нибудь буйной страстью, получает гораздо большее удовлетворение при виде комфортного положения другого, чем при виде его страдания. То, что интерес агента может пониматься им зауженно или превратно, а «универсальное благоволение» – вызывать его неприятие, связано, по Бентаму, со сложным сочетанием факторов: люди склонны потакать своему себялюбию, пытаются избежать неоправданных моральных претензий и просто завидуют тем, кто благодеяниями завоевывает репутацию²⁰.

Хотя исходно обоснование необходимости совершать добродетельные и должные действия рассматривается Бентамом как задача экзегетической этики, в итоге та же задача встает и перед деонтологом. Деонтолог, как и экзегет, призван демонстрировать людям, что добродетельное поведение служит их интересу, увеличивает их благополучие. «В деонтологии, направленной на самого агента (self-regarding deontology), – замечает Бентам, – это его собственное благополучие, в деонтологии, направленной вовне (extra-regarding deontology), это благополучие всех затронутых лиц, кроме самого агента. Во всех случаях непосредственным объектом агента вполне естественно будет стремление к непосредственному удовольствию или избегание непосредственного страдания. Для того, чтобы привить агенту такое

¹⁷ Bentham J. Deontology, together with A Table of the Spring of Action and The Article on Utilitarianism. Oxford, 2002. P. 128.

¹⁸ Ibid. P. 128–129.

¹⁹ Ibid. P. 129.

²⁰ Ibid. P. 129.

стремление или зафиксировать на этом стремлении его внимание, не нужно ничего такого, что имело бы форму искусства: это то, к чему человеческая природа – безыскусная и необученная – и так постоянно склонна. Делом искусства в этом случае будет, стремясь к непосредственному удовольствию и избегая непосредственного страдания, не подвергнуть себя отдаленному большому страданию или не лишиться себя отдаленного большего удовольствия. Что касается первого вида деонтологии, отдаленное удовольствие и страдание – это удовольствие и страдание самого агента, что касается второго – это удовольствие и страдание других»²¹.

Присутствующая в этих двух фрагментах схема обоснования морали наталкивается на две трудности. Во-первых, этика имеет дело с должным, а в свете сведения всех мотивов к гедонистически понятому индивидуальному интересу для должного просто не остается места. Моральная мотивация теряет свою специфику, будучи полностью поглощенной мотивацией прагматической. Даже само понятие «деонтология» оказывается в этом случае под вопросом, поскольку этимологически связано с долгом. Убежденные «экзегетом» или «деонтологом» агенты будут совершать то, что принято называть добродетельными и должными действиями, но на основе такой мотивации, которая стирает различия между добродетельным и порочным, должным и недолжным. В этой связи Гарольд Причард упрекал этику бентамовского типа в подмене долга склонностью²². Во-вторых, если универсальной мотивацией поведения является реализация гедонистически понятого индивидуального интереса, то непонятно, как «экзегет» или «деонтолог» смогли бы убедить агентов в необходимости вести себя правильно, если это предполагает самоограничение (ущемляет их стремление к удовольствию). В наибольшей степени данное затруднение касается нормативного содержания «деонтологии, направленной вовне», но с ним сталкивается и «деонтология, направленная на самого агента».

б) учение о добродетели и обязанности

Пытаясь преодолеть первую трудность, Бентам создает такое представление о природе моральной добродетели и морального долга (обязанностей и обязательств), которое соответствует его пониманию источников действий. Моральная добродетель определяется им как способность агента вопреки своей собственной склонности или же вопреки «всеобщей склонности человечества» «предпочитать большее благо в случае его соперничества с меньшим». Такое предпочтение предполагает отказ от доступного удовольствия или отказ от предотвращения близящегося страдания. Иными словами, добродетель требует от агента «жертвенности» и «самоотверженности», хотя смысл этих понятий внутри концепции Бентама не совсем совпадает с расхожим употреблением слов и в чем-то даже противоположен ему²³.

В соответствии с другим бентамовским определением добродетели, она представляет собой увеличение блага (счастья), которое требует от агента

²¹ Ibid. P. 198.

²² Prichard H.A. *Moral Writings*. Oxford, 2002. P. 7–21.

²³ Bentham J. *Deontology*. P. 154–156. О двойственности понятия «жертва» у Бентама см.: Crisp R. *Sacrifice Regained: Morality and Self-Interest in British Moral Philosophy from Hobbes to Bentham*. Oxford, 2019. P. 199–200.

преодоления трудностей или усилий. Усилие может быть «усилием понимания» или «усилием воли». Так рефлекторное самосохранение не есть добродетель. Однако самосохранение в условиях, где существует возможность сознательного выбора между линиями поведения – это уже добродетель, поскольку требует «усилия понимания» (понимания источников опасности). Равным образом содействие благу другого, сопутствующее удовлетворению собственного интереса агента (например, купить хлеб у пекаря), также не добродетель. Но если такое содействие выступает как самостоятельная цель (например, накормить хлебом нищего), то это уже добродетель, поскольку требует «усилия воли»²⁴. Бентам хорошо понимает, что в своем совершенном выражении добродетель сводит к минимуму или даже устраняет как усилие, так и жертвенность. Удаленное большее благо становится настолько притягательным, что благо близкое, но меньшее просто перестает восприниматься как благо. В этом случае поступки сохраняют статус добродетельных в силу того, что большинству людей для их совершения потребовались бы и усилия, и жертвенность²⁵.

Бентамовская номенклатура добродетелей включает в себя три составляющих: к числу добродетелей, направленных на самого агента, относится благоразумие (*prudence*), к числу добродетелей, направленных вовне – честность (*probity*) и благодетельность (*beneficence*). Различие между честностью и благодетельностью состоит в том, что совершение честных поступков является обязательным. И честные поступки, и благодеяния приобретают моральную ценность лишь в том случае, если их основой на уровне мотивов было благоволение (*benevolence*)²⁶. Это довольно характерная для этики Нового времени классификация добродетелей (прямая параллель: благоразумие, справедливость и благодетельность у Адама Смита). Специфика бентамовской этики состоит в том, что все три добродетели понимаются Бентамом по модели благоразумия (не случайно благоволение, благодетельность и честность в некоторых случаях прямо именуется «направленным вовне благоразумием»), а также в том, что и усилия добродетельного человека, и принесение им определенных жертв в итоге выступают как реализация его же собственного интереса²⁷. Если использовать термины Причарда, то моральный долг здесь скорее не подменяется склонностью, а отождествляется с правильным ее пониманием. Для Бентама разрыв между правильно и неправильно понятой склонностью вполне достаточен, чтобы слово «добродетель» сохраняло свой смысл.

Если применение понятия «добродетель» в истории этической мысли часто смягчало проблему расхождения между моральными ориентирами поведения и собственным интересом агента, то понятия долга, обязанности, обязательства, наоборот, ее заостряли. Однако Бентам пытается и их примирить со своим понимаем источников действия. Он утверждает, что если бы в момент совершения действия долг или обязанность не рассматривались агентом как нечто, соответствующее его интересу, то должное действие никогда не было бы совершено. Значит обязанность – это одна из форм реализации собственного интереса агента²⁸. Конечно, интерес при этом трактуется

²⁴ *Bentham J. Deontology. P. 178–179.*

²⁵ *Ibid. P. 156, 179.*

²⁶ *Ibid. P. 190–191.*

²⁷ См., напр.: *Ibid. P. 122–123.*

²⁸ *Ibid. P. 174–175.*

очень широко, но все коллизии морального сознания охарактеризованы Бен-тамом как коллизии внутри сферы личного интереса, а не как столкновение между интересом и чем-то иным.

б) демонстрация гедонистической ценности добродетели и исполнения обязанности

В тексте «Деонтологии» Бентам дважды артикулирует вторую трудность своего этического проекта. Сначала – в виде недоуменных вопросов: «Если ни для одного человека это [стремление к удовольствию и благополучию. – *А.П.*] не может перестать быть конечной целью, то какой смысл или результат может быть у этого или любого другого рассуждения на темы этики?.. Если это [то что собственное благополучие агента есть его конечная цель. – *А.П.*] так, то, где симпатия? Где благоволение?»²⁹. Затем – в виде развернутой критической аргументации. Воображаемый оппонент соотносит между собой ключевые тезисы Бентама: а) поведение любого человека определяется исключительно заботой о его собственном счастье (удовольствии, благополучии, интересе); б) каждый человек является единственным компетентным судьей в вопросах собственного счастья (удовольствия, благополучия, интереса); в) моральный долг состоит в исполнении принципа «наибольшего счастья наибольшего количества людей»; г) этот долг определяется «направленным вовне интересом, интересом в удовольствии и прекращении страданий других людей». Если два первых тезиса верны, то неясно, зачем обсуждать с людьми этические вопросы. Человеку, который уже имеет направленный вовне интерес и получает удовольствие от его реализации, нет смысла напоминать о нем. А того, кто не имеет этого интереса, невозможно убедить в том, что он у него есть. Это ставит крест на деонтологии, направленной вовне. Но столь же бессмысленно обсуждать с человеком, который является единственным компетентным судьей собственного счастья, обязательность предпочтения одних удовольствий другим. Он не только с необходимостью стремится к собственному удовольствию, но и лучше других знает, что ему доставляет наибольшее удовольствие. Это ставит крест на деонтологии, направленной на самого агента³⁰.

Чем же, несмотря на эти возражения, занимаются деонтологи? В общем виде проблема воздействия на поведение другого человека, по Бентаму, решается двумя способами: можно «сделать так, чтобы он поверил в то, что поступать так-то уже в его интересах, без каких бы то ни было мер со стороны пытающегося на него повлиять», а можно «сделать что-то такое, вследствие чего это [какое-то действие. – *А.П.*] станет его интересом», или создать «побуждение». Деонтолог использует оба эти подхода³¹.

Например, в отношении добродетели благоразумия, его задача показать, что одни различия между действиями, не затрагивающими других людей, относятся к сфере вкуса, а другие – к сфере добродетели и порока. В сферу вкуса входит выбор между нынешними удовольствиями и страданиями или удовольствиями и страданиями, на значимость которых для выбора действия никак не влияет то, что они относятся к настоящему или будущему. В сфере добродетели и порока находится выбор между нынешними и будущими

²⁹ Ibid. P. 148.

³⁰ Ibid. P. 192–193.

³¹ Ibid. P. 175.

удовольствиями и страданиями, если он требует учета того обстоятельства, что удаленность переживания во времени и неопределенность наступления будущих событий изменяют положительную или отрицательную ценность этого переживания³². Решения, принадлежащие к сфере вкуса, отданы на усмотрение агента, он не может здесь ошибиться. Но в сфере добродетели ошибка вполне возможна, и она тождественна проявлению неблагоразумия. Деонтолог призван корректировать такие ошибки. К сожалению, Бентам не приводит тех аргументов, которые должны убедить агента – «единственного компетентного судью» в области своих удовольствий, что между вкусом и добродетелью имеется различие и что граница между ними проходит именно так, как ее проводит деонтолог.

Что касается добродетелей честности и благодетельности, Бентам утверждает, что существуют многочисленные точки, в которых интерес самого агента и интересы других людей соприкасаются или совпадают. Агент может их не замечать, поскольку: а) они сами по себе недостаточно ясны, б) он небрежно относится к их выявлению. В этом фрагменте Бентам перечисляет всего три точки соприкосновения: 1) универсальное благоволение, опирающееся на естественную симпатию, 2) любовь к репутации, 3) дружелюбность (дружеское отношение к конкретным другим людям)³³. В других фрагментах таких точек больше, ровно столько же, сколько существует санкций добродетельного поведения. Быть честными и благодетельными нас подталкивают следующие санкции: физические (пример их негативного выражения – физическое воздействие на агента со стороны пострадавших от его действий людей, в том числе мечь), политические, или правовые (правовое наказание, где оно предусмотрено), моральные, или общественные (всеобщее или просто широкое осуждение), симпатические (неприятные переживания от причинения другому человеку страданий)³⁴. Однако деонтолог не только напоминает людям, являющимся потенциальными моральными скептиками, о санкциях, но и способствует формированию и видоизменению санкций, что также укрепляет способность людей к добродетельному поведению.

В чем проблематичность бентамовского ответа на возражение воображаемого оппонента? Рассуждения деонтолога о добродетели, направленной вовне, будут убедительны только для тех людей, которые: а) наделены симпатическими переживаниями, б) обитают в обществе, система санкций которого действительно направлена на стимулирование честного и благодетельного поведения и устроена так, что санкции действуют эффективно (причиняют страдание порочным и доставляют удовольствие добродетельным). Однако проблема обоснования морали формулируется в общем виде, независимо от частного психологического и социокультурного контекста. Обосновать мораль – значит обосновать обязательность морального поведения и образа мысли даже в тех условиях, когда система санкций слаба или дезориентирована, когда у агентов есть ситуативная возможность уклониться от действия санкций, когда они не наделены естественной склонностью

³² Ibid. P. 187, 195.

³³ Ibid. P. 194.

³⁴ Ibid. P. 200–201. Тот же набор санкций, по Бентаму, задействован и в случае благоразумия (Ibid. P. 199–200, 175–177). См. подробнее о санкциях у Бентама и в утилитаристской мысли в целом: *Harrison R. The Sanctions of Utilitarianism // Proceedings of the British Academy. 2001. Vol. 109. P. 93–116.*

к честным и гуманным поступкам, то есть не получают от их совершения удовольствия и не страдают, совершая нечто нечестное и жестокое. Не случайно в истории философии центральными для обоснования морали фигурами являлись платоновский Гиг, гоббсовский глупец, юмовский смышленный негодяй. Как показать притягательность моральной добродетели или обязательность морального долга именно им? Какой, не зависящий от специфики конкретного общества механизм превращает безнравственную линию поведения в проигрышную даже с точки зрения гедониста?

У Бентама нет специального интереса к такой постановке вопроса. Но есть отдельные рассуждения, которые могли бы быть обращены и к этим персонажам. Так, Бентам утверждает, что удовольствие от благодеяния следует рассматривать в контексте аналогии с крестьянином-сеятелем, действия которого потеряли бы смысл, если бы он не имел твердой надежды на урожай. В чем же состоит «урожай» честности и благодетельности? Бентам постулирует существование некоего «сберегательного банка (или фонда) всеобщей доброй воли», из которого всем вкладывающим в него людям поступает доход в виде добрых дел других людей. Существует и «фонд злой воли», от «вложений» в который следует воздерживаться, поскольку они блокируют добрые дела, совершаемые другими людьми в отношении «вкладчика». Если же «счет» конкретного человека в «фонде злой воли» пуст, то этот человек превращается в приоритетного получателя внешней помощи и поддержки.

Это, конечно, более общее рассуждение, чем простая апелляция к санкциям, действующим в определенном обществе. Однако там, где Готтиер развратно демонстрирует универсальные социально-психологические механизмы взаимности, а также благоприятные для честного и гуманного человека расклады вероятности, Бентам обходится общими словами³⁵. Тот, кто обладает долей в «фонде доброй воли», по его мнению, чувствует себя более богатым с каждым «актом благодетельного благоволения», про совершение которого известно окружающим. Но за этим утверждением следует не анализ, а патетическое восклицание: «Верить ли в это? Верьте или нет, это совершеннейшая правда»³⁶.

Заключение

Итак, в результате проведенного исследования установлено, что в текстах Бентама присутствуют разные стратегии обоснования морали. Одна из них связана с доказательством безальтернативности принципа полезности. Две другие обосновывают мораль, апеллируя к собственной выгоде агента и к его способности убедить других людей в правильности своих оценочных суждений. Доказательство выгоды нравственного поведения осуществляется Бентамом на основе его теории санкций. В силу этого предложенное им обоснование морали оказывается зависящим от конкретного культурного и социального контекста морального выбора и в этом смысле – уязвимым. Для исследования вопроса о природе и структуре утилитаристской этики важен сделанный в статье вывод о том, что нормативная

³⁵ См.: *Gauthier D.P. Morals by Agreement. Oxford, 1986.*

³⁶ *Bentham J. Deontology. P. 184–186.*

программа утилитаризма не базируется у Бентама на каком-то единственном (сугубо утилитаристском) морально-философском основании, в качестве которого исследователи подчас рассматривают логику разумного эгоизма. Предстоящий анализ этических воззрений других представителей классического утилитаризма будет направлен на то, чтобы показать, что эта особенность утилитаристской этики представлена у них еще более ярко.

Список литературы

- Апресян Р.Г.* Этика: учебник. М.: КНОРУС, 2017. 356 с.
- Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства / Пер. с англ. М.: РОССПЭН, 1998. 415 с.
- Bentham J. An Introduction to the Principles of Morals and Legislation. Oxford: Oxford University Press, 1996. 343 p.
- Bentham J. Deontology, together with A Table of the Springs of Action and The Article on Utilitarianism. Oxford: Clarendon Press, 2002. 394 p.
- Crisp R. Sacrifice Regained: Morality and Self-Interest in British Moral Philosophy from Hobbes to Bentham. Oxford: Clarendon Press, 2019. 233 p.
- Gauthier D.P. Morals by Agreement. Oxford: Clarendon Press, 1986. 384 p.
- Gert B. Morality: Its Nature and Justification. N.Y.: Oxford University Press, 2005. 438 p.
- Gewirth A. Reason and Morality. Chicago: University of Chicago Press, 1978. 393 p.
- Harrison R. Bentham. L.: Routledge and Kegan Paul, 1999. 286 p.
- Harrison R. The Sanctions of Utilitarianism // Proceedings of the British Academy. 2001. Vol. 109. P. 93–116.
- Postema G.J. Utility, Publicity, and Law: Essays on Bentham's Moral and Legal Philosophy. Oxford: Oxford University Press, 2019. 312 p.
- Prichard H.A. Moral Writings. Oxford: Clarendon Press, 2002. 320 p.
- Shaver R. Utilitarianism: Bentham and Rashdall // The Oxford Handbook of the History of Ethics / Ed. by R. Crisp. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 292–312.

The justification of morality and the justification of utilitarianism in Jeremy Bentham's ethics

Andrey V. Prokofyev

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: avprok2006@mail.ru

The paper deals with the correlation between the justification of morality and the justification of utilitarian normative ethics in the two treatises of Jeremy Bentham: *An Introduction to the Principles of Morals and Legislation* and *Deontology*. In the *Introduction*, the general requirement of morality ('promote the good of others') is considered justified because a) it is integrated into the structure of the principle of utility and only contingent to the concurring principles (the principle of asceticism and the principle of sympathy and antipathy), b) the two concurring principles cannot withstand rational criticism, c) the list of principles is closed. There are two additional strategies to justify morality in the treatise. Bentham claims that the advantages of having a reputation of a trustworthy person are a sufficient reason to hold burdensome obligations. At the same time, he insists that an agent cannot persuade other people that her moral judgments are right unless

* Включен в реестр иностранных агентов по решению Минюста России от 09.12.2022.

these judgments are grounded in her recognition of the equal non-instrumental value of every person. In the *Deontology*, Bentham expands on the second strategy – the identification of moral virtue (duty) with the correctly understood personal interest of an agent. First, he proposes such a conception of moral virtue (duty) where sacrifices and efforts made by a person of prudence, probity, and beneficence are interpreted as the result of a clash among her own interests. Then, he demonstrates that the system of sanctions (sympathetic, religious, physical, moral, political) peculiar to human societies makes advantages brought by breaches of prudence, probity, and beneficence illusory.

Keywords: morality, ethics, justification of morality, moral principles, virtue, obligation, pleasure, happiness, interest, utilitarianism, J. Bentham

For citation: Prokofyev, A.V. “Obosnovanie morali i obosnovanie utilitarizma v etike Ieremii Bentama” [The justification of morality and the justification of utilitarianism in Jeremy Bentham’s ethics], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2023, Vol. 16, No. 1, pp. 5–20. (In Russian)

References

- Apressyan, R.G.* *Etika: uchebnik* [Ethics: Handbook]. Moscow: KNORUS Publ., 2017. 356 pp. (In Russian)
- Bentham, J. *An Introduction to the Principles of Morals and Legislation*. Oxford: Oxford University Press, 1996. 343 pp.
- Bentham, J. *Deontology, together with A Table of the Springs of Action and The Article on Utilitarianism*. Oxford: Clarendon Press, 2002. 394 pp.
- Bentham, J. *Vvedenie v osnovaniya npravstvennosti i zakonodatel'stva* [An Introduction to the Principles of Morals and Legislation]. Moscow: ROSSPEN Publ., 1998. 415 pp. (In Russian)
- Crisp, R. *Sacrifice Regained: Morality and Self-Interest in British Moral Philosophy from Hobbes to Bentham*. Oxford: Clarendon Press, 2019. 233 pp.
- Gauthier, D.P. *Morals by Agreement*. Oxford: Clarendon Press, 1986. 384 pp.
- Gert, B. *Morality: Its Nature and Justification*. New York: Oxford University Press, 2005. 438 pp.
- Gewirth, A. *Reason and Morality*. Chicago: University of Chicago Press, 1978. 393 pp.
- Harrison, R. “The Sanctions of Utilitarianism”, *Proceedings of the British Academy*, 2001, Vol. 109, pp. 93–116.
- Harrison, R. *Bentham*. London: Routledge and Kegan Paul, 1999. 286 pp.
- Postema, G.J. *Utility, Publicity, and Law: Essays on Bentham's Moral and Legal Philosophy*. Oxford: Oxford University Press, 2019. 312 p.
- Prichard, H.A. *Moral Writings*. Oxford: Clarendon Press, 2002. 320 pp.
- Shaver, R. “Utilitarianism: Bentham and Rashdall”, *The Oxford Handbook of the History of Ethics*, ed. by R. Crisp. Oxford: Oxford University Press, 2013, pp. 292–312.

* Включен в реестр иностранных агентов по решению Минюста России от 09.12.2022.